

гиозных объединениях / М.О. Шахов, ин. Ксения (О.А. Чернега), В.В. Ряховский, Т.В. Вагина, А.Е. Себенцов и др.; под ред. Р.В. Маранова. М., 2011.

15. *Ильина В.* Госдума обсуждает «человеческие жертвоприношения»: ЛДПР отправит секту хлыстов и флагеллантов в резервации, чтобы не смущали народ // Islam News. URL: <http://www.islamnews.ru/news-137156.html>

16. *Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А.* Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2010.

17. *Гжегорчик А.* Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 54–64.

18. *Кляйн Н.* No Logo. Люди против брэндов. М., 2008.

19. Гражданское общество: истоки и современность / под ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского. СПб., 2006.

A.N. Sergeev
Secular and Atheistic Models
of the Relationship between
Church and the State
in the Scientific and Political
Thought

The relationship between the state and religion in historical periods of the Russian state is considered. The key concepts associated with comparing models of the secular state in conceptions of various authors. The author argues the need to introduce the term “anti-religious ideocracy” for a political science conceptual apparatus to denote the corresponding model of the state and church relations.

Key words and word-combinations: secular state, secular quasi-religion, anti-religion ideocracy.

Рассматриваются государственно-церковные отношения, свойственные разным историческим периодам Российского государства. Анализируются ключевые концепты сопоставления моделей секулярного государства в трудах различных исследователей. Автор предлагает введение в понятийный политологический аппарат термина «антирелигиозная идеократия» для обозначения соответствующей модели государственно-церковных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: секулярное государство, квазирелигия, антирелигиозная идеократия.

УДК 342.4
ББК 67.400.2+67.400.4

А.Н. Сергеев

СЕКУЛЯРНАЯ
И АТЕИСТИЧЕСКАЯ
МОДЕЛИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

В современном политико-правовом сознании утвердилось положение о необходимости отделения церкви от государства и, соответственно, о нормативно-правовом закреплении светского характера последнего. Однако на протяжении истории борьба между тенденциями секуляризма и клерикализма принимала самые разные формы, подчас крайне радикальные. Огромное значение имеет попытка теоретического постижения многообразия секулярных феноменов, поскольку уроки истории, преподнесенные прошедшим столетием, свидетельствуют о необходимости поиска мирных форм сосуществования религии и государства, не нарушающего права и свободы человека в поликонфессиональ-

ном обществе. Стремление реализации этого идеала в рамках государственно-конфессиональных отношений нашло свое выражение в концепте светского государства.

Значимость дискурса, посвященного понятию светскости и проблеме светского государства, не вызывает сомнения, однако вопрос об отделении церкви от государства не сводится только к этим феноменам. В научной литературе встречается термин «атеистическое государство» [1, с. 156–161], которое, по мнению многих исследователей, не является светским и даже противостоит идеалу светскости, поскольку последний подразумевает наличие институционально закрепленного свободомыслия и мировоззренческого самоопределения, а пропаганда атеизма в таком государстве насаждается обществу как элемент обязательной идеологии. Ставить термин «атеистическое государство» в одном классификационном ряду (взяв в качестве основания «отношение» государства, отделенного от церкви, к религии) [2] вместе с термином «светское государство» представляется не вполне корректным. В данном случае упускается из виду борьба не с религией как таковой (как формой общественного сознания, сущностью которой выступает вера в сверхъестественное), а лишь с институциональными ее проявлениями (примером такой борьбы может служить движение лаицизма) [3]. Например, запрет публичных манифестаций с религиозными призывами, которые подчас могут носить откровенно реакционный характер, способствовать разжиганию розни и от которых не застрахована ни одна религия в современный период. Но при этом отсутствует дискриминация граждан, которые придерживаются тех или иных религиозных воззрений, а также занимают с отправлением религиозного культа в кругу своих единомышленников без широкого общественного резонанса. В научной литературе также можно встретить термин «сепарационная модель», которая описывает подобную разновидность отношений церкви и государства [4, с. 107].

В сущности, такая модель секулярного государства может и не противоречить принципу свободного мировоззренческого самоопределения, но лишь тогда, когда вытеснение института религии из общественной жизни исходит не со стороны государства и имеет насильственный характер, а со стороны гражданского общества, публичной власти и имеет законодательный характер. В случае развития тенденций клерикализации общества данная модель, взятая в качестве основы для политической практики, может помешать становлению или возрождению теократии или близкой к теократии модели клерикального государства. Другое дело, что открытым остается вопрос о том, можно ли считать толерантность и стремление к мировоззренческому плюрализму также некоей идеологией, которая может насаждаться культурно-гомогенному консервативному обществу политической элитой, стремящейся к реализации либеральных идеалов светского общества, как, например, это происходило в Турции при правлении Ататюрка? И если подобное действительно имеет место, но навязано силой, то будет ли правомерно называть такое государство светским? Действительно, описанные образы секулярного государства находятся на стыке между светским государством и так называемом «атеистическим».

Характеризуя атеистическую модель взаимоотношения церкви и государства,

ряд исследователей, таких, как В.М. Сторчак [5], Д.В. Пивоваров [6] и др., используют термин «квазирелигия». Другой исследователь, И.В. Понкин, в своей обширной монографии «Правовые основы светскости государства и образования» ввел понятие «модель секулярной квазирелигии». По его мнению, можно выделить следующие существенные ее признаки:

- запрет на свободное мировоззренческое самоопределение;
- установление в качестве государственной идеологии и активное навязывание обществу общеобязательной секулярной квазирелигии;
- дискриминация верующих граждан и (или) граждан, придерживающихся убеждений, отличных от секулярной квазирелигии, установленной в качестве государственной и общеобязательной идеологии;
- значительное, вплоть до определяющего, влияние государственной секулярной квазирелигии на правовую систему;
- полный запрет (вплоть до введения уголовной ответственности) какого бы то ни было влияния религии на систему образования;
- подмена государственных органов объединениями последователей общеобязательной секулярной квазирелигии и их руководителями, размывание разделения компетенции государства и объединений последователей общеобязательной секулярной квазирелигии, вплоть до полного отсутствия такого разделения [7, с. 176]. Однако ввиду того, что уподобление идеологии религиозной вере имеет весьма поверхностный характер, а также поскольку богоборчество акцидентально квазирелигии (например, идеологии фашистской Италии и нацистской Германии не были антирелигиозными), то обозначение модели богоборческого антицерковного государства термином «государственная квазирелигия» является некорректным.

Не спасает положение прибавление к понятию квазирелигии термина «секулярная», поскольку секулярность не обязательно подразумевает принципиальную радикальность по отношению к религии и уж тем более не подразумевает систематический характер государственного террора по отношению к церкви, если речь идет о крайней степени секуляризации. К тому же если исходить из того, как понимал феномен квазирелигии Пауль Тиллих [8] (именно Тиллих ввел понятие «квазирелигия» в научно-философский оборот), то необходимо признать тавтологический характер понятия «секулярная квазирелигия», так как квазирелигия являет собой именно секулярный феномен. На наш взгляд, наиболее приемлемым термином, обозначающим государство, в котором имеется общеобязательная идеология, вступающая с религией в противоречие и стремящаяся к ее уничтожению, представляется «антирелигиозная идеократия» (от греч. *ιδέα* – идея и *κράτος* – власть). Данный термин фиксирует оба указанных сущностных момента – антирелигиозную направленность государства и наличие общеобязательной навязываемой идеологии.

Под атеистическим государством авторы обычно подразумевают СССР как практическое воплощение этой модели [6, с. 210–211]. Действительно, многие из выделяемых признаков антирелигиозной идеократии были реализованы в рамках данных государственно-церковных отношений, например наличие общеобязательной официальной антирелигиозной идеологии, репрессии против

духовенства и верующих, различные препятствия для отправления религиозного культа и т.п. Однако неверно сводить всю полноту государственно-церковных отношений в СССР к модели антирелигиозной идеократии, поскольку в различные исторические периоды некоторые из ее атрибутов либо ослаблялись, либо вообще исчезали. Так, репрессии против духовенства преобладали на заре Советского государства, но утратили свою масштабность с восстановлением патриаршества в 1943 г. Пропаганда атеизма также имела свои особенности в различные периоды. Например, в 1920-е годы она проводилась с большей силой, нежели в период перестройки. Вообще государственно-церковные отношения в СССР лавировали между двумя формами секулярных моделей: если СССР 1930-х годов полностью соответствовал модели антирелигиозной идеократии, то, к примеру, на рубеже 1970–1980-х годов он в большей степени относился к модели антиклерикального государства.

Несостоятельность сведения государственно-церковных отношений в СССР к модели атеистического государства заключается также в том, что данная модель предусматривает отделение церкви от государства. Однако в Советском Союзе церковь использовалась, например, как инструмент внешней политики, а назначение тех или иных представителей духовенства в некоторые периоды по большей мере происходило в соответствии с мнением власти в лице председателя совета по делам религий. Так, в записи беседы председателя указанного совета Г.Г. Карпова с патриархом Алексием 13 ноября 1956 г. Карпов посоветовал патриарху после возвращения митрополита Николая разработать проекты его личных обращений к главе Англиканской церкви с требованием вывода войск из Египта [9, с. 134–135], а 18 декабря 1957 г., «Карпов сказал, что в данное время нет необходимости увеличивать число епископов» [9, с. 149]. Данные факты в большей степени относятся к цезаропапистской модели клерикального государства, нежели к государству, имеющему в качестве цели уничтожение религии как таковой. В сущности, указанные обстоятельства можно рассматривать как некий цивилизационный возврат к более ранним формам государственно-церковного институционального взаимодействия, характерным для дореволюционного периода, тем более что политическая система с высокой степенью централизации исторически сопутствовала цезаропапизму. Если абстрагироваться от коммунистической риторики советского руководства, а также от коммунистической символики и идеологии, которая, по мнению некоторых авторов, была лишь ширмой для диктата партийной номенклатуры (Ю.И. Семёнов, А.Н. Тарасов), то подобная модель государственно-церковных отношений была бы вполне естественна и проявлялась бы в более значительных масштабах, что и случилось после крушения СССР.

Таким образом, исходя из приведенных соображений, можно подразделить государства с отделенным от них институтом церкви на следующие разновидности. Во-первых, государство светское, в котором при отсутствии влияния церкви на политическую систему, правовую сферу и т.д. религиозные организации не преследуются, не подвергаются дискриминации, а граждане могут исповедовать какую угодно религию, свободно выбирать себе мировоззрение. Во-вторых, государство секулярное, в котором независимо от того, осуществляются

ли гонения на верующих или нет и, возможно, отсутствует какая бы то ни было официальная идеология, идет борьба против институциональных форм религии, а также наличествует стремление политической элиты и доминирующих групп давления вытеснить церковь из общественной жизни или не допустить ее влияние на последнюю. В-третьих, атеистическое государство (или модель антирелигиозной идеократии), в котором помимо декларирования открытой враждебности религии как социальному институту ведется борьба против религии как формы общественного сознания. Однако, как уже отмечалось, модель атеистического государства не находится в одном ряду с государством светским, так как критерием разграничения сепарационной и «богоборческой» моделей является не отношение государства к церкви, а степень негативности этого отношения. Поэтому атеистическое государство является подвидом государства секулярного [10, с. 36]. Другим же подвидом секулярного государства является государство «антиклерикальное», или сепарационная модель государственно-церковных отношений.

Однако необходимо учитывать то, что реальные феномены всегда содержательно богаче описывающих их моделей, поэтому в ходе развития секулярных тенденций эти модели, реализующиеся в действительности, могут иметь преемственный или смешанный характер.

Библиографический список

1. Государственное право Российской Федерации: учебник / под ред. О.Е. Кутафина. М., 1996.
2. Коробова Е.Г. Взаимоотношения государства и церкви в России: проблемы типологии и периодизации в аспекте воплощения идеи теократии // Библиотека юридических наук Law Theses. 2009. URL: <http://lawtheses.com/vzaimootnosheniya-gosudarstva-i-tserkvi-v-rossii-problemy-tipologii-i-periodizatsii-v-aspekte-voploscheniya-idei-teokrati>
3. Моран Г. Роль церкви и государства в установлении межконфессиональных отношений: история и современность // Межконфессиональный мир и консолидация общества: мат-лы междунар. конф. (Москва, 27–28 февр. 1997 г.). М., 1997. С. 21–38.
4. Григоренко А.Ю. Церковно-государственные отношения в современной России и проблема религиозной свободы и нетерпимости // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе: мат-лы междунар. конф. (Москва, 23–24 марта 1999 г.). М., 2000.
5. Сторчак В.М. Религиозные истоки и смысл большевистского мессианизма (статья первая) // Религиоведение. 2004. № 3. С. 33–47.
6. Пивоваров Д.В. Философия религии. М., 2006.
7. Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. М., 2003.
8. Tillich P. Christianity and the Encounter of the World Religions. London, 1963.
9. Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты: Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М., 2011.
10. Одинцов М.И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе: мат-лы междунар. конф. (Москва, 23–24 марта 1999 г.). М., 2000.